

СЕРГЕЙ ТИХОРАДОВ

Тихон



ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОЛУФИКШН
НА ТРИ ВЕЧЕРА

Сергей Николаевич Тихорадов

ТИХОН

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63682387

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-96774-8

Аннотация

В этой смешной книге представлены истории из жизни бомжа, дивным образом единого в трех лицах, произошедшие в провинциальном Сиреченске. Тихон знает о жизни слишком много, и поэтому весьма часто попадает в сюжеты "почти фэнтези". Да, тут много "почти"... Почти психотерапевтические истории, загрированные до полной неузнаваемости, будут наверняка вам полезны. Настоятельно рекомендуется к прочтению наблюдательным ироничным интеллектуалам! Тому, кто не готов узнать себя в главном герое – лучше не читать. А тому, кто озабочен духовным ростом, можно и прочесть.

Содержание

Вступление	5
Без любви	9
Годы	14
Отец Филип, бывший Филипп	16
Троица бездомного Тихона	20
Свобода больше силы	24
Дядя Архип	29
Вера	33
И вина...	37
Отцы и дяди	43
Суровая тайна реальности	46
Закиношье	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Тихорадов

Тихон

Пропуская
буквы и запятыя,
автор вносит свой вклад
в сохранение лесов Сибири

Вступление

Это книга про Тихона, удивительного человека из города Сиреченска. Тихон удивителен тем, что един в трех лицах, сиречь – троеобразен. Нет-нет, на этих страницах не критикуется религия, упаси Господи! Просто у некоторых людей в голове не одна персона, а несколько, и никакой шизофрении при этом. Никакого раздвоения, или, тем паче, растрояния личности. Более того, Тихон был и физически абсолютно здоров, по крайней мере – бывал.

Однажды он сходил проверился к врачу. На следующий день позвонили из Центра подготовки космонавтов – не помню, наши или американцы первыми. Кажется, сначала звонили наши, звали на работу. Американцы через день позвонили, тормоза. И те, и другие плакали, когда Тихон отказал. Договориться с ним удалось только одному секретному институту. По договору Тихон получал пожизненное пособие, мог жить, как хотел, только не имел права далеко отъезжать от нашего города. Но ему особенно и не хотелось: ленив стал, вальяжен, медлителен в меру.

Теперь Тихон жил на пособие от этого института, с которым договорился умирать в магнитном томографе. В советское время можно было продать свой скелет институту за девяносто два рубля: деньги сейчас, скелет потом. Примерно так и сейчас вышло: деньги сейчас, а смерть на благо науки

ПОТОМ.

Молодчина Тихон, променял-таки свою уникальность на пожизненный аванс. Вы только подумайте: не каждому привалило такое богатство – быть в своей голове постоянно втроем. Впрочем, современная наука психология к этому феномену спокойно относится, признавая диалоги голосов, примиря множественные личности и перечисляя в голове тараканов. Хоть этот факт и не относится непосредственно к триоце в голове Тихона, все же дает возможность спокойно, и даже с любовью, отнести к герою этой книги.

Приступая ее написанию, автор намеревался заставить читателя подумать. Подумать... Так нынче все говорят: репортер, публикующий фотографии с места падения сосулк на головы прохожих, тоже уверяет читателя, что хотел заставить его подумать, дабы тот не забывал о безопасности, и так далее. Короче говоря – всё ради вашего же блага. Батяня, отвесив леща нерадивому, с его точки зрения, отпрыску, тоже печется о том, чтобы отпрыск подумал. А уж сколько творит государство, дабы мы все взяли и подумали: считать – не пересчитать. Тут совсем обдуматься можно.

Вот и автор пошел по стопам думцев, написал вам книгу, чтобы вы подумали. Да, вам придется это сделать, потому что материал книги допускает неоднозначное толкование, и без использования собственной головы не обойтись. В психологии вообще все неоднозначно. Когда автор поступал на психфак, замечательная и крайне интеллигентная дама-биб-

лиотекарь у него спросила:

– Молодой человек, почему не на экономический? Ведь в психологии все так неоднозначно: из одной и той же предпосылки в разных случаях следует разное.

Автор тогда не испугался неоднозначности, и не пожалел об этом. В духовном мире неоднозначно и нелинейно всё. А в этой книге неоднозначны выводы: если автор описывает случай и делает выводы, то не факт, что они окажутся верны конкретно для вас. Однако, автор надеется, что сама по себе книга будет интересна, поможет стать счастливее и, самое главное, вам придется-таки над ней подумать. А кое-что, явно напоминающее психотехники, можно просто взять и на себе применить.

Ах да, автор еще должен попросить прощения за нарушение одного табу... впрочем, не станет он извиняться. Не он же нарушил, а Тихон. Короче говоря – сами прочитаете. Давайте сделаем смелый шаг и дадим отставку устаревшему табу, которое нас тормозит, как заевший ручник. Вы «за»? Автор «за».

А еще он «за» полное распрограммирование, «за» очистку ума от установок социума и «за» духовное пробуждение. Автор надеется, что сия не толстая книжка поможет тому, кто бьется на этом нелегком фронте, не щадя ума своего. Это тяжкий процесс, и не верьте тому, кто скажет, что проснуться легко. Проснуться – это подвиг, на который не всякий Бэтман способен.

Примечание автора: Бэтман – это такой летающий качок в колготках.

Книга посвящается многим людям: моей жене, терпевшей заседания у компьютера, мудрому читателю моего древнейшего блога А. Панкову, монахам Свято-Успенского Печорского монастыря, и моим родителям. Если правда, что мы их выбираем для своего рождения, то я ничуть не жалею о своем выборе.

Без любви

Итак, внутренний мир Тихона представлял собой полноценную троицу: собственно Тихон, ловелас без любви, потом «дядя» Архип без признаков биографии, и поп-расстрига «отец» Филипп.

Тихон был ловеласом с оговорками. Он почти ничего не любил. Можно было бы сказать, что он, как Остап Бендер, любил деньги и страдал от их недостатка – но это было бы тоже неправдой. И деньги Тихон не любил. Такая жизненная неувязка приключилась с ним потому, что он не любил главное – себя. Не было в нем зерна любви, из которого мог бы произрасти хоть кактус благополучия.

Или другое какое растение... Говорят, что семечко растет, потому что тянется к солнцу. Только ради него оно старается прорваться сквозь плотный грунт, ради него выпускает корни, чтобы высосать влагу из подземной реальности. А потом, дескать, в качестве мотивации добавляется жажда продления рода, выражающаяся в попытках накидать вокруг себя таких же семян, пристать к собачьей шерсти и разнестись на невероятные расстояния, чтобы и там произрасти сквозь асфальт. Оно даже готово быть проглоченным коровой, или лисой, чтобы потом выйти из звериного желудка там, где получится, и произрасти, воспев гимн всемогущей жизни.

Врут. Всё врут романтики. Ради себя любимого семечко

старается. Любит оно себя, вот и живет.

Тихон семечком не был, не случилось как-то, не задалось. Вместо этого он стал человеком, но в меру нелюдимым: вроде как семечком, зачем-то робеющим при виде других семян.

Он даже на смерть в магнитном томографе шел потому, что робко желал компании умных людей вокруг себя, не ведомой толком при жизни. Троица в голове не в счет.

Многие кажут, что все дело в травмобогатом детстве и бедной любовью школе – и будут неправы. В школьные годы Тихон любил футбол. Любил он его по-настоящему, то есть практически, не по телевизору. Сбегал с уроков, чтобы постоять на воротах, перекидывался с дружками записочками: «Ты сегодня будешь?». Девчонки, хихикая, ловили записочки и прятали, друзья-футболисты злились и продолжали писать, договариваться.

– Мы бу, а ты?

– И я бу!

Одну такую записочку училка перехватила, буквально на лету, как муха:

– «Я буду. Луж.», – прочла она вслух, внедрив столько издёвки в голос, что будь та шрапнелью, рота фрицев полегла бы, не меньше, – Ты что, Тихон, будешь в луже, я не поняла? Что ты будешь в луже делать – лежать, плавать, плескаться?

Дабы лихо оборжать товарища, советским пионерам многих поводов не надо было, вот они и ржали всем классом.

Тихон стоял, не краснея, и радовался: автор записки, Алешка Лужков, но не родственник тому самому, просто однофамилец, будет после уроков на стадионе, и это хорошо. Поиграем!

Играть Тихон любил, но не умел. Неумение он компенсировал самоотверженностью. Упасть поперек ворот, прыгнуть под мяч, а то и под ноги нападающему – для него сие было всласть. Благодаря этому на воротах он стоял хорошо, практически не пробиваемо. Когда он становился на ворота, соперники требовали себе дополнительного игрока, чтобы уравновесить шансы.

С этой дурацкой, чисто русской, самоотверженностью он шагал по жизни вплоть до полташка, когда само туловище подсказало, хрустя суставами – а не перестать ли тебе себя отвергать, Тиша? Я уже давно хрустю нездоровым похрустом, лет десять. А ты всё то под ноги, то поперек ворот, как правильный советский пионер, который сам погибай, а товарища выручай.

Потом, когда жизнь в виде морковки сзади, серьезно отмотивировала, Тихон начал вспоминать самые эмоциональные детские моменты. Вспоминая, Тихон научился отлавливать установки, которые были с моментами связаны. С ярким дворовым футболом оказалась связанной самоотверженность, безжалостность к себе, и даже нелюбовь.

Про то, чтобы себя полюбить в пятьдесят, туловище пока молчало. Но хотя бы его не ломать – это было бы уже хоро-

шо. Может, хватит уже компенсировать: неумение – самоотверженностью, недалёковидность – преданностью, неумение ладить с людьми – переработками, нелюбовь к себе – критикой остальных?

Решив в голове, что хватит, Тихон взялся за дело. Потому что делать куда важнее, чем разглядывать в голове мысли. Мысли, они как пузырьки на поверхности супа. Что-то варится в кастрюле подсознания, непонятое, неизвестно когда и кем положенное, неосознанное и страшщее. А наверх вылетают пузырьки. Сиречь – мысли. Только они и видны. Какая в них ценность-то? Разве что видно по их наличию, что суп еще не выкипел полностью, что длится в кастрюле некий процесс.

Всё бы ничего, да иногда кастрюля болит. Но еще неприятнее, что Тихон временами не осознавал себя до такой степени, что решал, будто эти пузырьки и есть жизнь. Будто пузырьки – это не сигнал из кастрюли о том, что внутри имеет место быть процесс суповарения, но будто только оно и есть, это самое пузырение поверхности. И он, Тихон, является совокупностью булькающих пузырьков.

– Я булькаю, следовательно – существую, – сказал некто великий, цитата из коего сейчас была бы уместна, и Тихон поверил на какое-то время.

Прошли годы, прежде чем он догадался, что его внимание к бульканью пузырьков на поверхности супа сродни самоотверженному броску под ноги нападающего – ошпариваю се-

бя горячим супом, зато вроде как живу.

А не ошпариваю... так вроде и не живу.

Годы

– Вот ты всё ноешь, мол, годы, годы... – сказал ангел-хранитель, который иногда любил научить Тихона паре-тройке полезняшек, – А сам и не понимаешь, что такое возраст.

Тихон поковырялся в голове, но нашел разве что пару банальностей. Ангел банальностей не терпел, и Тихону оставалось лишь прикинуться Чебурашкой и развесить уши, как бельё во дворе.

– Возраст человека исчисляется в годах, – забубнил ангел, – И мы знаем, что год – это один оборот планеты вокруг звезды. Но количество обращений Земли вокруг Солнца не имеет никакого отношения к возрасту. Почему возраст человека измеряется именно во временных промежутках, а не в километрах? Или он каким-то образом зависит от скорости полёта Земли вокруг Солнца? Возраст – это не количество времени. Возраст – это наполненность. Представь себе, Тихон, что ты наполняешь чашу. Что ты видоизменяешь её, переделываешь – вплоть до того, что её не узнать, по сравнению с первоначальной. Упомянув возраст, мы говорим, что новая чаша отличается от прежней количеством часов, потраченных на её наполнение. Но это никоим образом не характеризует содержимое чаши! Возраст – это накопившееся количество изменений в пользу интеграции со вселенной. Понял? Ладно, я потом тебе еще раз объясню.

С ангелом так всегда было: как начнет учить – туши свет. В темноте слушать было и впрямь легче, когда все внимание в ушах сосредоточено, без отвлечения на яркий свет.

И так ангел с Тихоном поступал долгие годы.

Годы, годы...

Отец Филип, бывший Филипп

У отца Филипа все кругом были отцы. То ли от избыточного уважения к людям он всех так превознёс, то ли наоборот – от гордыни, мол, я отец, а вы и подавно. Вдобавок, тут откровенно пахло большой духовностью, как жареной на сале картошкой в старой коммуналке.

Как известно, настоящее духовное путешествие начинается, когда понимаешь, что идти некуда, кроме как внутрь себя.

– Я не хочу сказать, конечно, что религия и духовность рядом не лежали, – сказал отец Филип, который внутри был бунтарь, а снаружи непонятно кто, – Лежали, но недолго и в трусах. То есть, похоже, там ничего не было между ними. Религия, она ведь для кого как. Для кого – смысл жизнь, а другому как презерватив на душе. Но и это хорошо на самом деле. Потыкаешься, потыкаешься, поймёшь, что наружу не выбраться и вынужденно обратишься вовнутрь себя.

– Интересно, – пробурчал ангел-хранитель, – кто же ты-то такой, конкретно ты...

Но отец Филип вроде как не заметил бурчания ангела, он продолжал развивать тему.

– Религия – это ещё не свобода. Это когда ты выбираешь место не возле параша, а у окна. Точнее – это когда ты доверяешься кому-то, кто обещает тебе это место. На самом-то

деле есть страх не занять место у окна, а не возле параши. Перефразируя отца Фромма – это бегство от параши.

Время от времени он смущался, потому что его речи выглядели для непонимающих как осуждение. Также он догадывался, что дело не в религии, а в его понимании религии.

– Кстати, братья, не подумайте, что я критикую религию. Религия меня больше не задевает. А критикую я то, что меня задевает. Вот, возьмите, например, морскую мину. Это такой железный шар со взрывчаткой, оцетинившийся рожками взрывателей, которые лучше не задевать.

Тут отец Филип поморщился от своих же слов, и Тихон догадался, что тому было неприятно употребление слова «оцетинившийся», потому что как у всех. Потом он поморщился еще больше, потому что морщиться от употребления не того слова было еще большим штампом, чем это слово употреблять.

– Блин! – подумал вслух отец Филип, и это не было ругательством, это было эхо, отголосок внутренних переговоров, – Мина – это шар с рожками. Плавает мина себе, плавает... пока корабль не заденет корпусом по рожку. Тогда мина взрывается вместе с кораблем, и оба тонут. Вместе с тем, что осталось от рожков. А, кстати, вы знаете, что в рожках у мины сахар? Он держит пружинку ударника, как-то так, и мина не может взорваться, пока она не в воде. На суше она безопасна, а в воде сахарок растворяется, и мина становится на боевой взвод. Теперь её за рожки лучше не трогать –

бабахнет.

– Похоже, ты с того начал, что сахарок растворил... – пробурчал Архип, но Филип сделал вид, что его не услышал.

У отца Филипа было большое эго.

Эго – как мина, оцетинившаяся – чёрт! – рожками. Или как Звезда Смерти из «Звездных войн», оцетинившаяся лазерными пушками. Так и видно эти толстые стволы, возникающие из раздвигающихся в разные стороны шипящих люков. Только тронь! Или так: эго – это крепость, и чуваки за бойницами, оцетинившиеся луками. Эго – набор придуманностей, и остаться без эго вполне безопасно. Без эго можно всё, и чистый лист – наилучшее состояние из возможных.

Отец Филип качнулся вперед на стуле, коснувшись пузом края кухонного стола. Стол был холодный, куда холоднее пуза, и отец Филип дернулся, отшатнулся, зато стал трезвее.

– Короче – это всё я, – сделал вывод отец Филип, – и мина, и Звезда Смерти, и крепость. Это меня не тронь, а то... а то стану критиковать. Я критикую то, что меня задевает. Критика – это форма агрессии, это когда лучник выпускает стрелу – пяу!

Представить отца Филипа крепостью было легко, звездой или миной слегка сложнее, но тоже можно.

– Вся духовность сводится к тому, чтобы убрать крепость, – сказал отец Филип, – тогда начинаешь видеть, что она не нужна была. Оставшись без крепости, понимаешь, что она тебя не защищала, а держала внутри, как тюряга, и что

защищаться не надо.

Потому что защита – это точка зрения бессознательного на происходящее. А кого интересует чужая точка? Никого.

Троица бездомного Тихона

«Если уж муха, так назойливая», подумал Тихон, выслушивая отца Филипа. Другие мухи на этой планете не водились. Не жужжали, не летали, не вылуплялись вообще из яиц. Вылупившая муха навсегда получала статус «назойливая», и уж тут не отвертишься – назойствуй, пока не махнут на тебя чем-нибудь.

Тихон махнул клешней и муха, взяв резко вправо, удалась восвояси. Наступила относительная тишина.

– Это я виноват, – признался себе Тихон в наличии антисанитарного насекомого, – сам вареньем вчера стол испачкал. Вот она к запаху и привлеклась.

Про то, что стол он вчера же отмыл «кухонным утенком», и запаху никакого и быть не могло, Тихон забыл.

Однако, вина, словно та муха, висела в воздухе, висела, висела... и приземлилась. Разумеется, на Тихона, куда же еще. Ведь Тихон человек, а человек начинает осуждать себя просто потому, что не осудил никого другого. Так что вина присела на Тихона привычно.

Любитель вины сосет её отовсюду. Если он русский, то ему стыдно за Россию. Если электрик, то виноватит себя за турбину, что могла бы и погуще ток гнать на электростанции, без скачков и просадок. Забавно, что в глубине души он всем этим гордится.

Для вечно во всем виноватого «отдохнуть» и «позлиться на себя» – это синонимы. Он ходит в торговый центр пошопиться, типа развлечься? Нет. Он туда ходит на себя позлиться. Хоть немножечко, но лишить себя ресурса. Потом попьёт кофе, чтобы обезводить свой организм – сделать себе еще немножечко плохо. И так далее. Но всё это очень глубоко законспирировано.

Обычно это законспирировано под «приятно же», или под «совесть», или еще под чего. Все зависит от личной религии, от того, на чем она зиждется. Вот Тихон, например, одно время очень любил каяться, его троицей тогда были Стыд, Страх и Вина. На самом деле это у всех виноватых общая троица, но каждый считает её персональной, ибо гордец. Все виноватые зиждятся на гордыне, и каются. Приятно же...

Виноватых часто винят в том, что они других обесценивают. Например, прерывает человек рассказ другого словами: – Я это уже знаю.

И рукой еще так махнет, мол, эка невидаль, чего распинаешься-то. Конечно, тут всякий обидится, когда ему указывают на его никчемность. Бывает, и огрызнется, а то и в морду. Но с виноватыми всё не просто, у них такое «обесценивание» может быть одним из трех:

Первое. Виноватому нужна пауза. Он «не тянет» наплыв чувств, ему передохнуть нужно.

Второе. Ему нужно себя поддержать, увидеть себя правым в своих глазах, а то он физически упадет на рассказчика. Ви-

новатые часто толсты бывают, так что лучше уж пусть стоят правыми.

И третье. Таки да, виноватый настолько виноват, что не может слышать, как кто-то лучше. Так что пусть говорящий заткнется, не то себе дороже.

Но к Тихону все вышесказанное не относилось, потому что Тихон не жил – он играл. Мы ведь уже упоминали, что он был пробужденным? Ладно, ладно – бывал... В любом случае, он умел отключаться от своего неосознанного персонажа. Иногда засыпал, как все, переставал быть игроком, воспринимал все архисерьезно, мучился и переживал. А потом просыпался, прекращал *переживать*, и начинал *проживать*, наслаждаясь.

– Какое дивное животное, – сказал Тихон про муху, проснувшись и начав наслаждаться, потому что «*про*» лучше, чем «*пере*», факт.

Мгновенно перестав быть виноватым, Тихон возжелал покормить кого-нибудь маленького, можно даже летающего и назойливого от природы.

Дивное животное наблюдало издалека. Оно зиждилось на осторожности и, не постесняемся этих слов, на врожденной интеллигентности. Быть мухой – удар судьбы, кто же спорит. Если верна теория о перерождении чего угодно в кого угодно, то опуститься в следующей жизни до мухи... это ж кем надо быть в этой?

– Ну да, – подумал Тихон, – так оно и есть. Они, полити-

ки, реинкарнацию Гитлера среди своих ищут, злобно топорчатся друг на друга, мол, вон тот совсем как Гитлер, или вон тот – а Гитлер давно уже просто муха, сидит где-то в говне и не особо отсвечивает.

Обрадованный, что оказался умнее политиков, Тихон поманил муху:

– Ну же, цыпочка, подь сюды. Не хочешь? Ладно, быть тебе в следующей жизни интеллигентом, как я. В награду за то, что настрадалась.

Откуда он взял, что за страдание полагается награда, Тихон и сам бы ответить не смог. Наверное, поповские корни сказались. Сколько раз он об них спотыкался, а они всё лезли и лезли, корявые, ухватистые, закрученные в бараний рог, как у отца Филипа. В смысле – не рог, как у отца Филипа, а корни поповские, как у отца Филипа. Снова большая тайна происхождения Тихона давала о себе знать, например, как сейчас – в виде предрасположенности оправдывать страдание и даже ожидать за него мифическую награду.

И была у Тихона семейная тайна: он точно знал, что в роду у него были попы, то есть батюшки. По крайней мере один точно был. Именно этим фактом Тихон объяснял свою предрасположенность к страданию и свечному запаху.

Впрочем, по сравнению с предками Тихон далеко ушел в понимании своей божественной сути. Его Троица предполагала другое – вину, стыд и страх. Тихон на этом зиждился, а не на интеллигентности, как муха.

Свобода больше силы

Главное, чего следовало избегать в общении с отцом Филипом, это провокация. Поддавшись провокации, отче начинал вещать. Вещал он всегда стоя, глядя куда-то вперед и немного вверх, обращаясь то ли к Богу, то ли к другим, видимым им одним, слушателям. В такой позиции был явный плюс: можно было отца Филипа не слушать. В смысле, раз он на тебя не смотрит, то вроде как к тебе и не обращается. А раз это не к тебе – так зачем время тратить?

Похоже, Бог думал так же.

Но иногда было интересно, вот как сейчас. Порывшись в старых фотографиях, дядя Архип явил на свет Божий какого-то редкого майора, биография которого была прояснена только в том плане, что он был каким-то предком дяди. Очень дальним предком, настолько дальним, что казалось, будто он вообще из стрелцов времен русского лжецаря Дмитрия. Хотя, по петлицам было ясно, что персонаж был сфотографирован точно до сорок третьего года, к которому были введены уже погоны в нашей армии.

Надо же было дяде ляпнуть сдуру, что в роде сила. Что глядя на эту фотку, он, дядя Архип, ощущает себя наследником и продолжателем. И плющит и колбасит его от ощущения принадлежности к славному роду, и еще он ощущает силу, идущую от фотографии, и много еще "ощу" "ощу", о

чем не сказать, потому что слов не хватает.

Отец Филип встал посреди комнаты, выбрал точку в углу и заиграл речью, как Троцкий перед восставшими матросами. И вроде не желал он задеть дядю Архипа, а так, просто по мировоззрению его прогуляться, потоптать убеждения, высморгаться на идеи и мирно поглумиться над верованиями.

Вот речь отца Филипа, не то, чтобы слово в слово, конечно. Кто ж ее стал бы записывать, в самом деле. Тем более, что всего этого ребята понаслышались от ангела, а тому при случае не лень и повторить назидание.

«Род, как любой эгрегор, дает защиту, силу, в обмен на свободу. Но свобода важнее силы, в том числе и силы рода. И только страх оказаться голым перед воображаемыми опасностями окружающего мира толкает человека в лапы эгрегора. О, тут и родители, политики, и священнослужители, и СМИ – всякий горазд вам внушить, что мир страшен. Они от этого стола кушают, как им иначе? Им никак иначе. Радость не продается, а страх запросто.

Настоящая сила обретает возможность проявиться, когда отрываешься от рода, потому что тогда тебе оказываются доступны любые силы, и все они внутренние.

Сила, сила, сила... Послушай, как говорят люди. То, как они говорят, о них самих говорит точнее всего. Почему именно «сила»? Почему не «возможность», «энергия», «ресурс», «радость»? Потому что человек говорит о том, чего ему не хватает.

Сила нужна тому, кто ощущает себя слабым. Но ощущающий себя слабым никогда не получит силу – потому что да отнимется у того, кто и так не имеет, и дастся тому, у кого и так есть. Бедные беднеют, богатые богатеют. Подобное тянется к подобному.

Если слабый возжелает силы – как она к нему потянется, ведь она ему не подобна? Слабый может хотеть только страха, или из-за страха, вот в чем парадокс.

Вот стоит маленький мальчишка, а нам ним лось старшеклассник, и обижает его как-нибудь. О чем мечтает в этот момент малыш? О том, как он вырастет, навешает, и так далее. Или о том, что сейчас появится старший брат, и навешает. Или о том, что лось сам убежит. В любом случае он грезит о страхе, который будет нагнан на лося из десятого «Б».

Парадокс наш состоит в том, что даже воображая спокойствие и стремясь к нему, наш малыш в качестве движущей силы своего воображения все равно имеет страх. Это из-за страха он возжелал защиты и мира. Не будь страха – зачем ему хотеть его отсутствия?

Второй нюанс: если вам нужна сила рода, значит вы слабый. Но разве вы не потому слабый, что ваш род слабый? Если бы он был сильный, то и вы были бы сильны, это логично. Тогда вопрос – как черпать силу из рода, который слабый? Поэтому признаем, что нам не нужна сила рода, нам нужно что-то другое, которое мы почему-то так именуем: «сила рода».

Нам нужна не сила рода, нам нужно осознание рода. Это примерно как чинить старый автомобиль. Светишь фонариком под капот и понимаешь, что нужно исправить. И это понимание обеспечивает возможность дальнейшего движения, то есть, становится понятно – что делать. Конечно, можно назвать это понимание «силой», да ради Бога».

– А ты нам своего майора суёшь, короче, – поставил точку отец Филип и оглядел публику.

Ему было приятно, что речь свою он завершил словом «короче».

Но публики не было. Она переместилась на кухню, из уважения к отцу Филипу оставив дверь приоткрытой, так что можно было сказать, что вроде как мы и тут, вроде как слушаем, если что. По крайней мере – слышим.

Ушли не потому, что не хотели слушать, а потому, что с Архипом приключилась грусть. Человек без биографии воспылал было надеждой, узрев майора в родне: вдруг и у него, безлошадного и безжерёбого дяди Архипа, который в натуре никому не дядя и не племяш, появился шанс наковырять какую ни есть жизненную историю, происхождение занять какое-нибудь. Не от генералиссимуса, так хоть от майора – не инкубаторский же он, в самом деле!

Но по рассказу отче выходило, что даже если и не инкубаторский, толку от этого мало, и ничем это дяде не поможет. Как был слаб и гол, так и останешься, пока не поймешь, что на самом деле ты могуч, как Шварц, и обпиджачен от само-

го Славы Зайцева, который на Москве есть большой модельный папа, кум королю, сват министру. Вот бы такого в родственники, эх...

Дядя Архип

Архип по всеобщему согласию был возведен в звание «дяди». Это не было пренебрежительное «дядя», сквозь зубы бросаемое в рабочих предместьях кому-то очень презренному, никчемному, и потому всегда готовому получить в морду.

Но это не было «дядей» и в смысле старорежимного, до-революционного, дядьки, которого приставляли к ученикам в качестве отца-надзирателя. Был, был на Руси такой институт дядек, наставников, мастеров, почти гуру.

Был, да сплыл.

Короче, ни в первом, ни во втором смысле дядькой Архип не был. Не был и в третьем, то есть племянников не имел. У него вообще не было биографии. Ни родственников, ни прошлого, ни связей, ни памяти, ни убеждений. Последнее было особенно полезным приобретением, точнее – особенно полезным отсутствием. Благодаря тому, что убеждений у дяди Архипа не имелось, он был относительно свободен по сравнению с остальными участниками нашей, отнюдь не святой, троицы. Он был как без клетки из рёбер, опоясывающей верхнюю часть туловища. Эта клетка человека вроде как защищает, но её приходится постоянно таскать с собой. Она придаёт жесткость конструкции, но лишает гибкости и плавности.

Отцу Филипу такая «свобода» товарища по голове не imponировала.

– Арик, тебе же гордиться нечем, – критиковал товарища отец Филип, – вот были бы у тебя убеждения, или принципы, да мог бы ты сказать, к примеру – я русский! Или я... экзистенциалист. И был бы ты убежден в своей правоте. А так... кто ты, Арик?

Дяде Архипу было по барабану, кто он. Из одной недалёкой книжки он почерпнул, что на самом деле он дух, а не человек. А человек он ровно в том количестве, которого набрался, как губка, пребывая в этом теле в этом культурно-историческом контексте. И когда дядя Архип помрёт, то еще не факт, что конкретно из всего этого человеческого останется. Вдруг губка отожмется, расправится, и вернет все человеческое туда, откуда впитала – на грунт?

Вдруг останется только сама губка, пустой поролон без влаги и мыльной пены?

Так зачем же напиваться, ежели потом все равно выжмут досуха, и ничего не останется – ни родственников, ни прошлого, ни памяти, ни убеждений и прочего всего, что от людей.

– Тогда ты и не дядя, – сказал отец Филип, – потому что дядя – это тоже убеждение, ярлык, штампик. Впрочем... а кто тогда не штампик...

Вот идёт человек, который на самом деле только конгломерат из клеток, совокупность. Уж каким таким образом они

держатся вместе и не разваливаются на ходу...

– Зомби разваливаются, – уверенно информировал почтенное собрание Тихон.

– Э-эээ... Тиша, блин... так вот, и почему-то они не разваливаются на ходу...

– Атомные силы их вместе держат, – снова встрял Тихон, – электросильное взаимодействие.

Желания спорить у отца Филипа не было.

– Да, именно оно и держит. Так-с, на чем я остановился. Тихон, не встревай! Человек – это собирательный образ, название для кучи клеток, убеждений и прочего. Отсюда следует, что человека, как такового – нет.

Тут отче задумался, потому что из его логики следовало, что и дома нет, и улицы и, тем более, России. И стола нет, и паркета, а есть только атомы, объединенные силой языка в штампованные, но не реальные, объекты и сущности.

–Ну, раз человека вообще нет, то и дядек никаких тем более не имеется, – весело согласился Архип, хлопнув себя по коленке, – пусть меня не будет дядей, я согласен!

Вот таким чудесным образом, согласившись с собственным небытием, дядя Архип обрел суть, потому что истинное «я» – это «не я», как давно и убедительно доказали своим примером просветленные Востока и Запада.

Но позывной Архипу все-таки нужен был, тем более такой солидный, как «дядя» – потому что четыре буквы в слове, как погоняло блатного на зоне. Поэтому братцы-троица

еще покипятились малость, побулькали и все-таки оставили «дядю» за Архипом примерно в том смысле, который имеют в виду дети, когда видят кого-то большего габаритами, массой, а стало быть и другими качествами – умом, например, или силой.

– Может, я буду Сила Архип? – закинул идею Архип.

– Оставайся Дядей, – отмахнулся отец Филип.

Он любил оставлять за собой последнее слово, потому что за ним была вера, значившая куда больше, чем факт.

Вера

– Вот смотри, – произнес Тихон, – сейчас я тебе, Архип, покажу разницу между верой и знанием.

Он протянул Архипу сомкнутую в кулак ладонь, костяшками вверх. А кулак был и вовсе кулачок, отнюдь не кулачище мордovorота с ринга. Угрозы такое костно-мышечное сооружение не представляло из себя никакой, разве что смеху ради.

– И? – задал свой любимый коучинговый вопрос Архип.

– И вот ответ мне, – сказал Тихон, – веришь ли ты, что у меня в руке монетка?

Архип перенес взгляд с кулака Тихона на его светлый лик. Тихон улыбался, глаза яркие такие были, чистые, ибо «Шипр» куда лучше зашел ввечеру, нежели «Огни Москвы». Не было в таких глазах подвоха, и быть не могло.

– Конечно, верю, – твердо произнес Архип.

– Почему? – удивился Тихон.

– Потому что ты хороший человек, – объяснил Архип, – ты же не станешь меня обманывать? Ты ж меня любишь.

Не разжимая руки, Тихон почесал ею бороденку. Потом тяжело вздохнул, будто с ребеночком бестолковым имеет дело, и сказал:

– Спасибо, конечно, тебе. Но вот давай от моих несомненных качеств абстрагируемся, и попробуем объективно. Ты

ведь, на самом деле, не только в том не уверен, что сейчас в кулаке монетка, но даже в том, что она у меня вообще есть. Кроме того, это может быть не монета, а... э-э, пуговица там, или конфетка. Разве не так?

Архип призадумался, что было видно по невесть откуда взявшимся морщинам на его лобике. Морщины добавляли извилин коре головного мозга, увеличивая мыслительные способности Архипа. Опускаясь мясистыми шторками на третий глаз, они отражали взор интеллекта внутрь, растворяя всё заскорузлое и высвечивая то, что в тени.

Отзадумавшись, Архип вернулся в мир и сказал:

– В принципе, ты прав, Тихон. Я, конечно, не знаю, есть ли у тебя что в руке. Но я верю, потому что...

– Потому что тебе сказали, что я есть любовь, – продолжил Тихон, – и у меня для тебя что-то есть. Так?

– Ну-у, – проямлил Архип, – в первом приближении где-то так. В очень первом.

– А вот теперь погляди! – воскликнул Тихон.

Он засунул руку в карман, достал оттуда мелкую денежку в виде настоящей монетки, демонстративно положил ее на ладошку, и ладошку сжал в кулачок. Сию конструкцию он и протянул Архипу.

– Скажи, Архип, – сказал Тихон, – ты *знаешь*, что у меня в кулаке монетка?

– Знаю, если это не фокус, – ответил Архип, – у тебя монетка.

– Вот, – назидательно молвил Тихон, – это и есть разница между верой и знанием. Вера, брат, это фальшивка, иллюзия, она-то как раз и есть фокус.

Вид у Тихона при этом был такой, будто он только что объяснил товарищу суть мироздания. Испугавшись за него, Архип решил, что такую горделивую надменность следует решительно купировать, спасения души Тихона ради.

– А ну-ка повернись! – скомандовал Архип, и Тихон, неожиданно взятый на рывок, и не успевший подумать, послушно поворотился к миру передом, к другу задом.

– Вот скажи, Тихон, – спросил Архип, – я тебе сейчас дам пинка, или не дам? Ты веришь, или знаешь?

Тихон посмотрел перед собой. Там была явно проезжая часть, самодвижущиеся повозки пролетали стремглав, некоторые из них были уж очень большими, неприветливыми для контакта. Да и сам асфальт не внушал расположения, не влёк ласковой теплотой возможного прикосновения, скорее наоборот – обещал грубость и жесткий холод. В такой ситуации не хотелось Тихону получить от Архипа пинка.

Он обернулся.

– Э? – спросил Архип, – так веришь, или знаешь?

– Я тут ещё могу наскрести, – мудро сказал Тихон, имея в виду легкую карманную мелочь, – на «Тройной» хватит, пожалуй.

– Откупился, – констатировал Архип, – свечку поставил. Ну и ладно, ну и хрен с тобой. Ты же мне друг, уж хоть это

Я ТОЧНО ЗНАЮ.

И вина...

Время от времени Тихону начиналось жить слишком быстро. То нормально жилось – медленно, плавно, уверенно, то вдруг время вырывалось из-под седла и приходилось мчаться за ним, догонять, надрываться. А с годами куда-то неосознанно мчаться доставляло Тихону все меньше и меньше удовольствия. Раньше, в годы молодые, он еще позволял себе подорваться и полететь латать дыры во времени, а нынче уж не хотелось, да и не всегда могло.

Пришлось сесть и подумать, поразмышлять, покумекать на досуге, как отец говорил. Чтобы не умереть до того, как надоест жить, Тихон наковырял нюансов, записал себе большими буквами на бумажке и примагнитил «Валаамом» на холодильник. Под «Валаам» все не поместилось, поэтому на другой бумажке он еще добавил умных слов, и подсунул под магнетик «Самара». Вышло примерно поровну, а в резюмированном виде вот так:

Вина ускоряет время, потому что хочется, чтобы она скорее прошла

Это так происходит из-за того, что ситуация некомфортна до нетерпимости, и очень хочется увидеть ее конец, а еще лучше – увидеть начало новой ситуации, в которой нет ни-

какой виноватости.

В свою вину-виноватость Тихон уже не верил, но в глубине подсознания она еще теплилась, выбулькивая иногда наверх напоминания о себе в виде нарочито тупых поступков, за которые потом приходилось нести расплату.

А верил Тихон в то, что в каждый момент времени человек делает наилучшее из возможного – откуда же тут взяться пресловутой вине? Тем более, когда себя любишь, тут вообще будешь ощущать вину за то, что ощущаешь вину. Так что лучше ее не иметь и, соответственно, не ощущать.

«Надо» ускоряет время, и, стало быть, жизнь

Чужая воля, разновидность того же «надо», ускоряет жизнь

Отсутствие удовольствия ускоряет жизнь, хоть иногда и затягивает время

Просто выделив эти полупротиворечивые принципы, Тихон не остановился, потому что следовало дать хотя бы самому себе рекомендации – чаво ж делать-то со всем энтим?

Ну, ускоряет вина время – и что? Если тебе что-то не нравится – делай что-нибудь. Кажется, это написал еще Сталин.

Очень понравилось Тихону то, что написал Сталин. Вернее, это написал Королёв, но к Тихону прилип Сталин, потому что раньше он так думал – что это сказал Сталин. Про то, что это сказал Королёв, Тихон узнал позже, когда Сталин

уже прилип. Что-то было в Тихоне такое, на что липли мухи и Сталин, при всем уважении к любой Божьей твари. Цитата была примерно такая:

«Не нравится – критикуй,
критикуешь – предлагай,
предлагаешь – делай,
делаешь – отвечай»

С.П.Королёв (И.В.Сталин?)

Сократить до «не нравится – отвечай» по жизни не всегда удавалось, так что пришлось вы зубрить все четыре пункта. Вы зубрив, Тихон все же оставил за собой право применять сие четверостишие избирательно и творчески, например: «критикуешь – не нравься», как любили и любят начальники, и местами закритиковывал Архипа до легкой паники, перетекающей в перманентный невроз.

Архипу в неврозе жилось хорошо, это была его мерзлая, отоваренная синим льдом, стихия. Это был, скорее, терапевтоз, а не невроз. Поэтому Тихон думал, что препираясь с Архипом на его поле, он вроде как оставляет за другом поляну комфорта, он вообще вроде как гуманист, по крайней мере – гуманоид, что уже неплохо в наш испорченный век.

Когда Тихон приближался к душе Архипа с наездом, мол, а не стать ли тебе, Архип, лучше, Архип отнекивался:

– Нет, нет, нет, Тиша, отзынь, мне хорошо, – при этом ему

невдомек было, что Тихон с ним то серьезничал, то игрался, а он сам только серьезничал.

Починять свою психику Архип наотрез отказывался, говорил:

– Отзынь, кому говорят – мне с собой хорошо!

Архип говорил еще, что вина – это часть него. Что все лоскуты его сущности скреплены тонкими нитями вины, прошиты ими, как китайское электрическое одеяло на батарееках. В этом одеяле грело тело не само одеяло, а именно эти тонюсенькие проволочки, по которым текло батарейное электричество из минуса в плюс. А поддельный китайский сатин, самозванно представляющий одеяло, никакого значения не имел – он не грел сам по себе, он и был-то нужен для того, чтобы удерживать сеточку проводников.

– А ты вообще лоскуты спори с души! – гневался на одеяльную метафору Тихон, – зачем тебе лишний груз? Оставь одну полезную проволоку.

– Не, – ответил Архип, – тогда я буду как в концлагере, одна проволока вокруг под током. Или как это... колючая проволока перед окопами.

– На тебе и так, – сказал Тихон, – консервные банки гремят, вот точно как навешанные на эту колючку перед окопами.

– Да, на мне и впрямь гремит, когда ты меня задеваешь, – сказал Архип, – Так не задевай, Тиша.

Это было в фильмах про войну, когда на колючке висели

банки, чтобы грохотать, когда кто-то вляпается в колючку, или неловко полезет под ней. Так и в душу к Архипу попробуй сунься: громыхнет банкой – и под минометный обстрел, как обнаруженный.

– Не любишь ты себя, Архип, – сказал Тихон.

– Не за что, – ответил Архип.

Но Тихон не унимался:

– А ты, Архип, раз всего себя целиком не любишь, то начни любить по частям, вроде как слона жрешь. Раз вина – это часть тебя, то полюби сегодня именно эту часть, а завтра другую – зависть, хотя бы. А послезавтра, к примеру, обрати внимание на свою скупость...

– Не, я так быстро не могу, – запаниковал Архип, – мне на одну только вину неделя нужна, минимум, а то и... да вообще не знаю, сколько на неё надоть. Хотя, идеяка-то хороша, когда по очереди – сначала одно, потом второе...

– Так, потихонечку, всё своё говно и полюбишь, – пообещал Филип.

– А полюбив, увидишь, что его нет, – сделал почти буддистское заключение Тихон.

В былые времена Архип мог и запаниковать от таких глубоких слов, нынче же отмахнулся, вовсе не претендуя на понимание. Мало ли что эти два умника наговорят... Но что-то его задело. Он помолчал, подумал, и решил, что задело его совершенно несправедливое упоминание некой скупости, которой он вовсе не был подвластен.

– Во мне нет скупости, – сказал Архип, – Скупость – это барское. А я народ, то есть просто жадный, потому что бедный. У меня потому и друзей нет, что бедный.

ОТЦЫ И ДЯДИ

Не все гладко шло внутри троицы, иногда там бывал и конфликт. Этот наивный конфликт Тихон обозвал «Отцы и дяди». Конфликт этот, между дядьями и отцами, оказался куда круче, чем между детьми и отцами. И круче он оказался своей большой неизученностью, или малой изученностью, понравившееся подчеркнуть.

В зону беспощадного конфликта регулярно попадало всё, от совести и веры до патриотизма и денег, потому что во всём было разрешено и даже положено сомневаться.

Когда за окном раскидывала своё бессовестное исподнее осень, и желтые листья кружились над головами прохожих, словно желая утянуть их за собой в большие, теплые еще, кучи, троица собиралась на коньячок и громила под собою фундаменты – потому что зачем вам фундамент, когда у вас толком нет крыши?

Так, они могли сесть, разлить по стаканам, и разбабахать в пух и прах что-нибудь святое, например, патриотизм.

Тихон был особо ершистым патриотом, вплоть до того, что начинал время от времени агитировать товарищей поехать куда-нибудь повоевать за чью-нибудь большую свободу.

– Ты свой наивный подоприотизм засунь куда подальше, – возражал отец Филип, – если жаждешь просветления, то от

этого тоже придется отказаться. Ибо сие есть слишком человеческое, то есть программа. Программа!

При этом он поднимал палец, как чеховский городской, и Тихону все время хотелось исправить неточность, цапнуть отца Филипа зубами за вполне здоровый палец, как собака, чтобы совсем похоже на великую прозу было. Но ни разу не цапнул – берег зубы – просто позволял себе возразить:

– У тебя всё программы, отче. По-твоему, так человек вообще робот.

На обвинение к роботриотизме у отца Филипа нашлось объяснение.

– Вот представь себе, Тихон, что ты живешь в первобытном обществе, что у тебя племя, красавица жена в шкуре и саблезубый тигр за опушкой. И нет никакого государства, никакой Родины и никакого, стало быть, патриотизма. Ты, конечно, можешь сейчас придумать древний догосударственный патриотизм, но это будет брехней, и знаешь почему? Потому что тогда еще книжек не было. Когда книжек ещё не было, стал бы ты патриотом? Не стал бы, потому что и слова такого еще не было, и вообще еще слов не было, был только ты со своим племенем, бабы в шкурах и тигры. Вот тогда ты был живой, не робот, не было в тебе сложных программ, а были простые – пожрать, поспать и остальное, такое же простое, естественное, не обусловленное культурно-историческом контекстом.

Тихон представил себе не обусловленного контекстом

неандертальца. Вышло не очень. Но сдаваться не хотелось, поэтому он еще потрепыхался.

– Так ты намекаешь, в смысле – прямо даешь понять, что патриотизм – это предрассудок? Но ведь и предрассудки бывают полезными, у меня вот вчера, например, левая рука зачесалась – к трате. Так что ж мне, не верить? Я точно знаю, что надо верить, потому что так и будет.

– Зачесалась левая – почеси правую, компенсируй, – посоветовал умный отец Филип.

– Что с тобой говорить, – отмахнулся Тихон и замолчал.

Отец Филип встал, потому что долго сидел. Следовало «подразмяться» – раз, и кое-куда «сходить пройтись» – два, потому что запивали соком, добавляющим в организм лишней жидкости.

Выходя из кухни, он ненароком обернулся к друзьям.

– Поглядите-ка вон туда, – и легко показал кивком, куда.

Те обернулись, куда им показали, потом недоуменно поглядели на отца Филипа – ну?

– Вот видите, – ухмыльнулся отец Филип, – вы выполнили команду. Вы роботы.

И ушел в туалет.

Суровая тайна реальности

Ранним утром не спалось, поэтому присели на кухне. Распределив по чистым тарелкам скудное, но полезное, Тихон приподнял чайник и обратился к Архипу:

– Арик, ты сначала не жуй, ты сначала...

– Не Арик я тебе! – возмутился Архип.

У Тихона даже рука с чайником опустилась, которую он поднес к стакану Архипа, чтобы налить товарищу чаю:

– А кому ты Арик? – живенько поинтересовался Тихон.

С утраца, да под настроеньице, у него все выходило живенько.

Архип, оценив пустоту своего стакана, трижды подумал, прежде чем продолжать обвинения Тихона-чаечерпия, но не удержался.

– Никому я не Арик, – сказал Архип, – это вообще не наше слово. Не православное какое-то... Тебя, Тихон, вообще не туда заносит, сильно не туда. Ты вон недавно, вообще, нафантазировал, что весь этот мир – чей-то сон.

– Да я вообще вообще, – признал Тихон, – и в общем-то.

– Да, ты вообще, – с чувством великой своей правоты признал Архип, и потребовал, – наливай! Брахман...

Тихон послушно разлил по стаканам чай, и задумался. В голове мифический Арик Брахман возжаждал права голоса, и Тихон уступил.

– А я тебе, Архип Иосич, вообще так скажу – ты напрасно меня критикуешь. Ты вообще знаешь, как устроен наш мир?

– Брахман приснил, – усмехнулся Архип, отхлебывая из стакана.

«Когда-нибудь ты станешь пить из блюдечка, прикусывая сахарок – потому что Иосич», подумал про друга Тихон, «и самовар у тебя будет тульский, аутентичный».

– Этот мир – отпуск, – сообщил Тихон, и принялся рассказывать другу правду, – в относительно недалеком будущем люди придумали виртуальный мир, а в том мире ни травинки уже, ни животинки, ни воды чистой, одна синтетика и искусственный интеллект. И вот там, в будущем, человек надевает на себя шлем с проводами и оправляется сюда, где еще можно подышать и насладиться, так сказать, относительной чистотой первозданности. И вот мы здесь наслаждаемся, а на самом деле сейчас лежишь ты, Архип, в специальном кресле, и на башке у тебя шлем. И у меня тоже шлем.

Чай закончился в стакане Архипа. Тогда Архип сам себе налил, не дожидаясь, потому что Тихон ему сейчас много дал своим рассказом, а усугублять дисбаланс, принимая от Тихона еще и чайное услужение, Архипу, как говорится, отнюдь.

– Так значит, – задумчиво произнес Архип, – вот Филька, что сейчас в магазин вышел, он вроде как шлем снял?

– Ну, вроде как, – признал Тихон.

Догадка товарища показалась ему интересной. А почему

бы и нет?

Архип вздохнул, поглядев на Тихона с большой печалью.

– Мне иногда кажется, Тихон, – сказал Архип, – что у тебя точно шлем барахлит.

– Бывает, – охотно признал Тихон, – или у меня модель старая.

– Фирмы «Брахман», – уверенно кивнул Архип, будто у него там точно контрольный пакет акций, в этом «Брахмане», – только мы не просто лежим, Тихон, мы космонавты в анабиозе, летим на Альфу Центавра двести лет, и этот мир нам для развлечения крутят, как в кино. Что, съел? Думал, Архип совсем темный, да?

– А Фильку оживили уже, и он, бедолага, шарахается, одинокий, по кораблю.

И им стало удивительно жалко Фильку. Представили, как он бродит, ищет свой криогенный гробик, а на корабле уже коммунизм, потому что многие из пассажиров ожили и его установили, пока экипаж спит.

Тут раздался звонок в дверь, это отец Филип пришел из магазина. Он всегда интеллигентно звонил, потому что однажды прочел в книжке про наших разведчиков, как муж-разведчик приезжал домой после многолетней разлуки, и звонил с вокзала жене-разведчице, сообщал, что он уже в стране и скоро будет дома. Отцу Филипу эта история так понравилась, что он начал вести себя так же, как тот муж.

– Привет! – звонко информировал товарищей с своим на-

строении отец Филип, – а чё вы такие кислые?

– У тебя совесть есть? – набросился на Филипа Архип.

– Самому мало, – отрезал Филип, – Вон у Тишки спроси.

– Да я не прошу, я спрашиваю, – пояснил Архип, – у тебя совесть есть? Мы тут переволновались за тебя все. Где ты шляешься?

Как ему объяснить, что распереживались все за него, пока его не было? Представляли, как одиноко ему было бродить по опустевшему кораблю, как он проспал коммунизм, и так далее.

Одно радует, что они, все трое, наверняка экипаж, а вовсе не какие-то там пассажиры.

Закиношье

Сидел отец Филип у компа, киношку смотрел. Телевизора-то у них не было, зачем он им, непривитым от зомбирования. Дядя Архип, отвлекшийся было на мелкие кухонные делишки, подсел к отче.

– Кино смотришь? – спросил дядя, хотя даже такому никудышному животному, как еж, было бы понятно, чем занят отче, – Тебе помочь?

– Сам досмотрю, – пообещал жадюга отец Филип.

Но было видно, что кино явно стынет, а рот у отца Филипа маленький, нерабочий – таким всю киношку не взять, даже с размаха. Так что дядя подсел одесную, прямо на лысый ковер, крикнул пару раз, хрустнул суставами, как трогающийся состав, и попробовал скромно откусить от картинки.

– Только молчи, а то по буксам! Ты ж знаешь, за мною не заржавеет, – посулил отче.

Дядя Архип кивнул, снова скрипнул кормой, как старый баркас, и сделал вид, что подчинился правилам поведения в кинозале.

Давали легкую мелодрамку. У отца Филипа было, похоже, генетализованное тревожное расстройство, и фильмы он смотрел только с красивыми бабами. Они его успокаивали, внося столь дерзко отсутствующий элемент красоты в нерасцветенную жизнь отче. Ангел-хранитель подозревал,

что ГТР было в хронической фазе, и скоро будем звать Ашота Терапевтяна, известного в городе тревожного доктора. Но отче ломался, кривился, отбрехивался – и снова бежал за комп наслаждаться крутыми видами.

– Ничего себе, – сказал дядя Архип, наблюдая на экране блондинку.

Отче кивнул, мол, очень даже себе. Настолько себе, что даже видами делиться не хочется. В воздухе повисла выгнутая подковой непримиримая конфиденциальщина – отче предпочел бы смотреть один, без дяди. Но дядя уже имелся, так что...

– Одним глазом смотри, – зашипел отче.

Дядя послушно закрыл левый глаз. Мелодрамка потекла гуще.

– Чё целишься! – снова зашипел отче, – Левым смотри!

Дядя закрыл правый тоже, и теперь мог умиляться разве что своей внутренней мелодрамой. Но у него там был, как всегда, фарс – и никаких баб, даже страшных. Пару минут дядя созерцал фарс, потом вспомнил, что подсел не за этим. На экране мелодрамы теперь светились сразу две женщины, обе крайне привлекательные блондинки. Дядя улыбнулся мысли о том, что скоро всех переселят в виртуальный мир и подобного рода экземпляры станут куда доступнее. Илон Маск обещал, а он парень кремень.

– Чё лыбишься! – обиделся отче, и попробовал заслонить дяде картинку широкой ладонью.

Вышло глупо, потому что дядина морда была шире ладони. Кроме того, отче и сам перестал наблюдать блондинок. «Мать моя женщина», – подумал отче, наблюдая рисунок линий внутри ладони, «Тут мне и дальняя дорога в казенный дом, и дама трэф в Козероге – а я все сижу да пялюсь. И кого я хочу обмануть, что нет телевизора? Какая разница, в чего так пялиться, как я пялюсь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.